

*Х. О. Хабек, П. Витебски, Ж. Комарофф,
А. Костопулос, Ф. Наваррете*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ И ИХ ВКЛАД В ГЛОБАЛЬНУЮ АНТРОПОЛОГИЮ: ПОПЫТКА ОЦЕНИТЬ СОВРЕМЕННУЮ СИТУАЦИЮ

В данной статье представлена оценка современного положения и роли антропологии Севера как особой области исследования, описаны ее тематические недостатки и ее потенциал для антропологии как глобальной дисциплины. Мы надеемся, что участники данного семинара внесут важный вклад в дальнейшее обсуждение данного вопроса, особенно в определение основных тенденций в истории советской и постсоветской этнографии и антропологии.

Примерно сто лет назад Арктика была сценой крупномасштабных, плодотворных сравнительных антропологических изысканий. Экспедиция по побережьям северной части Тихого океана под руководством Боаса является самым ярким примером. В ней участвовал В. Г. Богораз, консультировал Л. Я. Штернберг – ученые, которые заложили основы советской этнографии. Однако антропология Севера последовательно отделялась от основного русла дисциплины. Мы полагаем, что это произошло в первую очередь потому, что другие части света находились на различных стадиях деколонизации, тогда как Крайний Север оставался внутренней колонией государств, которые делят друг с другом территорию Арктики. Примерно с конца 1920-х гг. этнографы, антропологи и другие ученые, работавшие в Арктике, сталкивались с тем, что мы называем «backyard-ism» (восприятие Севера как задворок государства, исходя из главенствующей перспективы столиц), наряду с возрастающим политическим дроблением приполярного региона. Условия работы, исследовательские приоритеты и теоретические основы начинали расходиться.

Советская этнография была прочно вписана в эволюционные рамки и применялась строго в соответствии с этой концепцией вплоть до 1980-х гг. Изучались и обсуждались советскими этнографами именно те «пережитки» традиционного уклада жизни, которые считались неприемлемыми при общегосударственном «прогрессивном» развитии. Политическая и экономическая интеграция северян с «задворок» была важнейшей задачей государства, и многие этнографы были непосредственно вовлечены в этот проект. В других северных странах патернализм и модернизация также были очень сильны, но они базировались на других политических принципах (например, на идеологии либерализма в Канаде и США или на идеологии всеобщего благосостояния скандинавского типа). Политика государств по отношению к населению, проживающему за Полярным кругом, заметно отличалась и сегодня отличается, при этом важно то, что исследования Заполярья должны были отвечать идеологии и политике соответствующего государства и рассматривались как его внутренние дела.

Эта изоляция существовала вплоть до 1980–1990-х гг., когда произошел прорыв, приведший к окончанию холодной войны, совпавший с возросшим научным и общественным интересом к экологическим (в особенности, климатическим) изменениям. В значительной мере этот интерес стал основой возросшего финансирования научных проектов в Арктике. Вследствие изменений геополитической обстановки и значения Арктики, становились особенно актуальными политические дебаты о добыче полезных ископаемых, росло международное внимание к коренному населению и были признаны его интересы, особенно в 1990–2000-х гг.

Многим ученым, работающим в других частях света, Север может видаться чем-то особенным и экзотическим. Такое восприятие (Севера как особого региона) опирается на предположение большинства жителей умеренных климатических зон, что полярные районы в основном необитаемы. Образ *Антарктики*, созданный в научной литературе и СМИ, сильно влияет на общественное восприятие противоположного полярного региона – Арктики.

Антарктика представляется нам нетронутой и хрупкой, нуждающейся в защите от человеческого вмешательства. Таким же образом и Арктика представляет собой легкоуязвимую климатическую зону. Сложилась патерналистическая идея, что аборигенное население, как и редкие виды животных и растений, чувствительно к любым изменениям, поэтому ему необходима защита, чтобы сохранить биологическое и культурное разнообразие мира. Поэтому у изучающих Север антропологов развились особые отношения с другими дисциплинами: антропология Севера более тесно связана с науками об окружающей среде и медико-биологическими науками (*life sciences*), чем другие региональные области антропологии. Эта сильная связь породила определенные темы и проблемы, в которых антропология Севера, в действительности, имеет ведущую и инновационную позицию. Сюда входят, к примеру, вопросы природопользования, взаимоотношения человека и животных, долгосрочная экологическая археология. Связи с другими дисциплинами, особенно с юриспруденцией и социологией, развивались менее интенсивно. Вследствие своей сильной связи с экологическими и медико-биологическими науками, антропология Севера заметно отдалена от антропологического ракурса, существующего в других регионах исследований. Антропологические дискуссии об Африке, например, находятся в более тесном диалоге с социологией, политологией и экономикой. Следует отметить, что изучение политических движений коренного населения является редким, но успешным случаем диалога между антропологией Севера и политологией.

Итак, в антропологии Севера пока очень редко встречаются исследования, посвященные вопросам глобальных экономических течений и рынков, рынков и условий труда, государственности и осуществления государственного контроля, взаимоотношений между государством и его субъектами-гражданами – все это теоретизировано в значительно меньшей степени, чем в антропологических исследованиях Южной Азии, Африки и Америки. Нам думается, что антропология Севера должна стать открытой более широкому спектру социальных дисциплин, а именно, политической теории и экономической теории (в том числе и теории глобализации). По всей видимости, антропология Севера не в состоянии достоверно описать ситуацию внутренней колонии региона и ее населения, просто потому что она сама как дисциплина пока не преодолела рамки характерного для внутренней колонии дискурса.

Наша цель – призвать антропологов, работающих на Севере, проводить более разнообразные исследования данного региона, вглядываясь за пределы Арктики, для того чтобы тематически расширить изучение района. Нужны более крепкие связи с социологией, политическими науками, экономикой, историей, литературоведением. Вместе с тем мы приглашаем других антропологов (и представителей других социальных наук) обратить больше внимания на антропологию Севера и воспользоваться ее самыми передовыми методологическими подходами, концепциями и результатами (иными словами, воспользоваться преимуществами ее сильных сторон). Анализ сильных и слабых мест позволит нам определить будущие возможности и сферы изучения, а именно, те области, где антропологические исследования на Севере могут быть реально инновационными, и стать важной частью *глобального* антропологического диалога.

**ETHNOGRAPHIC RESEARCHES IN THE NORTH
AND THEIR CONTRIBUTION TO GLOBAL ANTHROPOLOGY:
AN ATTEMPT AT DEFINING THE PRESENT SITUATION**

The co-authored paper presented here explores the current role and position of Anthropology of the North (*antropologija Severa*) as a distinct field of research, and describes its potentials and weak spots, in a global comparative frame. We hope that the participants of the conference here in Novosibirsk can make important contributions to this endeavour, notably by identifying decisive trends in the history of Soviet and post-Soviet ethnography and anthropology.

About one hundred years ago, the Arctic used to be a central site of anthropological inquiry (as is documented very profoundly by the Jesup North Pacific Expedition). However, Anthropology of the North subsequently came to be isolated from the mainstream of the discipline. We argue that this happened first and foremost because other parts of the world underwent de-colonisation at various stages, whereas the Far North remained a domestic colony of several states. Since the 1920s, ethnographers, anthropologists and other scientists working in the Arctic were confronted with what we call "backyardism" (the perception of the North as a domestic periphery, from the vantage point of the centre of the respective state), in combination with increasing political fragmentation of the circumpolar region. The topics of interest and conditions of work began to deviate.

Soviet ethnography was most firmly embedded in an evolutionist framework and most strongly applied in character. The political and economic integration of the "backward" Northern Peoples was a prime concern of the state and many ethnographers were directly involved in this project. In other countries of the North, paternalism and modernisation were strong, too, but they were based on different tenets (e.g. liberalism and the model of the welfare state). State policies towards the indigenous population differed widely across the Arctic. Importantly, research in the Arctic had to act in response to the ideologies and policies of the respective state, and was considered a domestic affair.

This isolation was manifest until the wake-up in the 1990s, a wake-up that was brought by the end of the Cold War and that converged with growing scientific and public concern about climate change. Significantly, this concern resulted in increased funding for scientific projects in the Arctic. As a consequence of the changing geo-political location and salience of the Arctic for itself and the world at present, political debates on resource extraction, increasing acknowledgement of indigeneity and indigenous interests grew particularly strong in the 1990s and 2000s.

The North may seem a very exceptional place to social scientists working in other parts of the world. This perception (of the North as an exceptional region) is rooted in the common assumption on the part of the inhabitants of the temperate zone that the Polar regions are generally uninhabited. The way in which the Antarctic is pictured in scientific discourse and the media has strong sway on the public perception of the opposite Polar region – the Arctic.

The Antarctic is conceptualised as pristine and fragile, it needs to be protected from human impact. The Arctic, too, is seen as a vulnerable environment, even if human habitation is acknowledged. Rare animal and plant species and indigenous people are considered to be vulnerable, thus they need to be protected in order to retain biological and cultural diversity.

Anthropology of the North has thus acquired a particular relation to other disciplines: it interacts and is aligned with Environmental Sciences and Life Sciences much more strongly than elsewhere in the world. This powerful linkage has created a domain of knowledge where Anthropology of the North indeed looks strong and innovative. Among these fields are, for example, land and resources, human-animal relations, long-term ecological archaeology, and the study of indigenous movements. Links with other disciplines – notably, Law and Sociology – are developed less intensively. Owing to its strong alignment to Environmental and Life Sciences, Anthropology of the North has taken a different path from anthropology

in the South. Anthropological scholarship on Africa is engaged in much closer dialogue with sociology, political sciences and economics.

Conspicuously absent from Anthropology of the North are, as of yet, inquiries into global economic flows and markets, labour markets and conditions, the state as an actor, colonialism, border regimes, control of the state over its subjects and the latter's responses, violence and issues of citizenship – all of these are much less theorised than in anthropological scholarship concerning South Asia, the Africas and Americas. Anthropology of the North needs to open up to a wider array of social sciences, namely to political theory, economic theory, and theory on globalisation. It appears that Anthropology of the North may be unable to truly encompass the domestic colonial situation of the region and the people that it tries to describe, simply because it is itself enmeshed in the reproduction of the domestic colonial condition.

Our aim is to encourage anthropologists who work in the North to do a more rounded research about the region, by looking beyond the Arctic in order to strengthen the study of their region. We advocate stronger links to sociology, political sciences, economics, history, art and literature studies. Simultaneously, we invite other anthropologists (and social scientists) to look more closely at Anthropology of the North and take advantage of its strengths. The analysis of the two – weaknesses and strengths – permits us to identify future opportunities and fertile fields, i.e. those areas where anthropological research in the North has the potential to become truly innovative, and part of a truly global anthropological conversation.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
INSTITUTE OF ECONOMICS AND INDUSTRIAL ENGINEERING
EUROPEAN SCIENCE FOUNDATION
BOREAS RESEARCH PROGRAMME IN ARCTIC HUMANITIES

**NORTH AND SOUTH:
DIALOGUE BETWEEN CULTURES AND CIVILIZATIONS**

Proceedings of the international conference

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ПРОГРАММА АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «БОРЕАС»

**СЕВЕР И ЮГ:
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Материалы международного семинара

ББК С556(0)+Д89+Е08
С28

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ, ЭТНИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ»
(14.05.2009)**

Ответственный редактор
д-р ист. наук **И. В. Окнибская**

*Международный семинар «Север и Юг: диалог культур и цивилизаций» проведен при поддержке
Европейского научного фонда. РГНФ (проект № 09-01-14056г и 09-01-00396а, СО РАН (№ 8)),
программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие»*

**ROUND TABLE MEETING
REGIONAL FACTORS
OF FORMATION OF DEMOGRAPHIC, ETHNIC
AND SOCIAL RISKS INCURRED IN DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL IN SIBERIA
(14.05.2009)**

**Север и Юг: диалог культур и цивилизаций: материалы Международного семинара. –
Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 196 с.**

ISBN 978-5-7803-0194-3

Сборник подготовлен на основе материала Международного семинара «Север и Юг: диалог культур и цивилизаций», который проходил с 14 по 16 мая 2009 г. в Новосибирске в рамках сотрудничества в комплексном сравнительном изучении циркулярной зоны. В семинаре приняли участие ведущие специалисты из России, европейских государств, США и Канады, представляющие основные направления в изучении Арктики и Северной Азии. В сборник вошли работы, посвященные значимым проблемам, связанным с освоением макрорегиона с древнейших времен до современности, включая проблемы палеоклимата, тенетики, формирования культурного многообразия, исторических и современных миграций и межкультурного взаимодействия на локальном, региональном и транснациональном уровнях. Специальной темой для обсуждения являются актуальные социально-экономические и демографические проблемы Сибири в контексте глобальных взаимодействий Севера и Юга.

ББК С556(0)+Д89+Е08

ISBN 978-5-7803-0194-3

© ИАЭТ СО РАН, 2010

Харинский Артур Викторович

Доктор исторических наук, профессор, декан факультета права, социологии и средств массовой информации Иркутского государственного технического университета, заведующий Лабораторией древних технологий. Специалист по археологии железного века и средневековой юга Восточной Сибири; занимается изучением современных социально-культурных процессов у коренных народов Прибайкалья.

Kharinsky, Artur V.

Doctor of History, Head of the Law, Sociology and Mass Media Department at the Irkutsk State Technical University, head of the Laboratory for ancient technology studies. Kharinsky is an expert in the archaeology of the Iron Age and medieval period in Eastern Siberia. His major field of interests is the current social-cultural developments among the indigenous peoples of the Baikal Region.

Хлыновская Елена В.

Доктор, исследователь кафедры социальной антропологии в Кембридже. В настоящее время работает в университете Альберты (Канада), является научным сотрудником Канадского полярного института и ответственным исполнителем программы «БОРЕАС» Европейского научного фонда.

Khlynovskaya, Elena V.

Researcher in the Department of Social Anthropology, Cambridge. She is currently a Research Fellow at the Canadian Circumpolar Institute and Principal Investigator in the BOREAS programme 'Moved by the State', funded by the European Science Foundation.

Шиловский Михаил Викторович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН. Специалист в области истории общественно-политического движения в России и в Сибири в XIX – первой четверти XX в., а также в области истории хозяйственного и социокультурного освоения Азиатской России.

Shilovskiy, Mikhail V.

Doctor of History, Professor and Head of the Chair of the History of Russia at the Novosibirsk State University, Head of the Division of the History of the second half of the 16th – early 20th century at the Institute of History SB RAS, is an expert in the history of governing Siberian provinces and the social-political movements in Russia in the 19th – early 20th centuries.

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ, ЭТНИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ» (14.05.2009)

ROUND TABLE MEETING

REGIONAL FACTORS OF FORMATION OF DEMOGRAPHIC, ETHNIC AND SOCIAL RISKS INCURRED IN DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN SIBERIA (14.05.2009)

- Октябрьская И. В., Смирнова Н. Е., Андронов Е. В.** Этносоциальные аспекты оценки человеческого потенциала Сибирского федерального округа / *I. Oktyabrskaya, N. Smirnova, E. Andronov.* Ethnosocial aspects of the human potential evaluation in the Siberian Federal District of Russia. 7
- Капурина З. И., Соболева С. В., Тапшина В. С.** Селькультура Томской области. Опыт оценки человеческого потенциала коренных малочисленных народов Сибири / *Z. Kapurina, S. Soboleva, V. Tapshina.* Selkupses of Tomsk region. Evaluation of the human potential of the Siberian indigenous peoples. 10
- Волжанкина Е. А.** Факторы, влияющие на численность ненцев Ямала в XX – начале XXI в. / *E. Volzhanina.* Factors influencing the population size of Nenets of Yamal in the 20th and in the beginning of the 21st centuries. 17
- Николаев В. В.** Оценка демографического потенциала коренного населения предгорий Северо-то Алтая (XIX – начало XXI в.) / *V. Nikolaev.* The evaluation of the demographical potential of the aboriginal peoples in the North Altai piedmonts. 20
- Овчарова М. А.** Мордва Алтайского края: этнодемографическая динамика XX в. / *M. Ovcharova.* Mordivians of the Altai region: ethnodemographical evolution in the 20th century. 23
- Охотников А. Ю.** Сибирские немцы: опыт социальной адаптации в контексте миграционных процессов / *A. Okhotnikov.* Siberian German people: social adaptation practices in the context of the migration processes. 26
- Гумасенко Ю. Н.** Миграция из Центральной Азии в Алтайский край: направления и перспективы развития для региона / *Yu. Gumasenko.* Migration from Central Asia to the Altai region: trends and perspectives of the region. 30
- Жандарова Я. В., Попова Н. Г.** Этническая идентичность и ценности ориентации городской молодежи Сибири (на примере молодежи Сургутского района ХМАО-Югры) / *Ya. Zhandarova, N. Popova.* Ethnic identity and value orientations of the youth in Siberian cities (Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Area / Ogrug). 33

СЕССИЯ I

ЕСТЕСТВЕННО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРА И ЮГА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИВЕ (15.05.2009)

SESSION I

NATURAL AND BIOLOGICAL FACTORS OF INTERACTIONS BETWEEN CULTURES OF THE NORTH AND SOUTH IN THE HISTORICAL PERSPECTIVE (15.05.2009)

- Табирес А. В.** Северная Пасифика и ранние миграции. Проблема освоения человеком Азии и Америки / *A. V. Tabares.* Northern Pacific region and the earliest migrations. Early peopling of Asia and America. 39
- Базилев А. Н.** Миграции и автономное развитие в генозисе древних и современных популяций Западной Сибири / *A. N. Bazilev.* Migrations and the role of Siberian indigenous people in formation of ancient and contemporary populations of Western Siberia. 43

Льбова Л. В. Откуда приходит мода? Проблема хронологии древнейших украшений Сибири / *L. V. Lybova*. From where does fashion come? Chronological classification of the earliest personal body decorations in Siberia. 49

Пантерсон У. Два тысячелетия североглянчатской сезонности и ее влияние на норвежские колония / *W. Panterson*. Two millennia of North Atlantic seasonality and implications for Norse colonies. 55

С Е С С И Я 2
ДИАЛОГ КУЛЬТУР СЕВЕРА И ЮГА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНОЛОКАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ (15.05.2009)
SESSION 2
DIALOGUE OF CULTURES BETWEEN THE NORTH AND THE SOUTH:
GLOBAL, REGIONAL AND LOCAL RANGES (15.05.2009)

Хабек Х. О., Витевски П., Комаров Ж., Костягулов А., Наваррете Ф. Этнографические исследования на Севере и их вклад в глобальную антропологию: попытка оценить современную ситуацию / *J. O. Habek, J. Sonnaroff, A. Costarinos, F. Navarrete, P. Vitelsky*. Ethnographic researches in the North and their contribution to global anthropology: an attempt at defining the present situation. 63

Головнев А. В. Северная Евразия: культуры больших пространств / *A. V. Golovnev*. Northern Eurasia: cultures of large territories. 67

Бурло А. В. Сокровища Востока на святых землях Севера / *A. V. Burlo*. Treasures of the East in sanctuaries of the North. 73

Голубкова О. В. Мифология как зона контакта: славянские и финно-угорские параллели / *O. V. Golubkova*. Mythology as a contact zone: Slavic and Finno-Ugric parallels. 79

Лавченко М. Саамская хижина в районе озера Ловозеро (Кольский полуостров): антропологический аспект / *M. Lavchenko*. A Saami Hut in Lovozero, Kola Peninsula in Relation to Anthropological Data. 84

Харинский А. В. Оленеводство в жизни северобайкальских эвенков в XX – начале XXI в. / *A. Kharskiy*. Reindeer husbandry in the lifestyle of North Байкал Evenks in 20th – early 21st centuries. 89

Вольжанина Е. А. Современные этносоциальные процессы среди народа Ямала в условиях промышленного освоения / *E. A. Volzhnina*. Current ethnic-social processes among the Nenets people of the Yamal under the conditions of industrial development. 94

Бадмаев А. А. О межэтническом взаимодействии в культуре жизнеобеспечения бурят и русских в XIX в. / *A. Badmaev*. Cross-ethnic interactions in life support systems of Buryats and Russians in 19th century. 99

Булдакова Т. Д. Международный проект NEWREL о современных религиях Севера, Сибири и Дальнего Востока России / *T. Buldakova*. International project NEWREL and modern religions of the North, Siberia and the Far East of Russia. 102

Самушкина Е. В. Образ героя в этноисторических концепциях самовольной элиты Республики Алтай и Республики Хакасия / *E. Samushkina*. The archetype of the hero in ethnohistorical discourses in the Altai and Khakassia Republics. 104

С Е С С И Я 3
СЕВЕР И ЮГ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИАЛОГА (16.05.2009)
SESSION 3
THE NORTH AND THE SOUTH: HISTORICAL ASPECTS OF POLITICAL
AND SOCIAL-ECONOMIC DIALOGUES (16.05.2009)

Тренаслов В. В. Миграция русских на восток в XVI–XVIII вв.: адаптация в индольской среде / *V. V. Trenaslov*. Eastward migrations of the Russian people in the 16th–18th centuries: adaptation under the alien cultural conditions. 111

Зуев А. С. Освоение русскими крайнего северо-востока Сибири в XVII – начале XX в.: адаптация в условиях изоляции / *A. S. Zuev*. The Russian colonization of the northeastern parts of Siberia in the 17th – early 20th century and their adaptation in isolation. 117

Ремизов А. В. Имперская география Азиатской России XIX – начала XX в.: колонизация как «обрусение» / *A. V. Remizov*. The imperial geography of the Asian part of Russia in the 19th – early 20th century: colonization in the form of russification. 125

Шилоцкий М. В. Исторический опыт хозяйственного освоения Арктики в дореволюционной России и абортные этносы / *M. V. Shilovskiy*. Historical aspects of the economic development of the Arctic zone in the pre-revolutionary Russia, the role of indigenous populations in the economy. 130

Ледовских А. Ю. Сибирские «инородцы» в исторической публицистике (вторая половина XIX – начало XX в.) / *A. Ledovskikh*. Siberian aborigine people in the historical printed media (the second half of the 19th – beginning the 20th century). 137

Дозель Р. Э. Военные интересы США в Арктике: возвращение к истории холодной войны / *R. Dozel*. U.S. Military Interest in the Arctic: Approaches to Cold War History. 141

Лайус Ю. А. Лыды на Севере и на Юге: российские исследования арктических и горных районов в свете международной кооперации / *J. A. Lajus*. Glaciers in the North and the South: the Russian studies of glaciers in the Arctic and in the mountains and international co-operation. 147

С Е С С И Я 4
СЕВЕР И ЮГ: ОЦЕНКА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (16.05.2009)
SESSION 4
THE NORTH AND THE SOUTH: HUMAN ASPECTS
OF THE GLOBAL INTERACTIONS (16.05.2009)

Куликов В. В. Роль Сибири в экономическом развитии России / *V. V. Kulikov*. The role of Siberia in acceleration of economic growth in Russia. 155

Соболева С. В. Человеческий потенциал иммиграции из Азии в Сибирь / *S. V. Soboleva*. Human potentials and migrations in Asia: the North-South paradigm. 161

Сладовой А. Н. Проблемы устойчивого развития коренных народов Сибири. Традиционные системы жизнеобеспечения. Север и Юг / *A. N. Sladovoy*. Sustainable development of the indigenous populations of Siberia. Traditional subsistence strategies: the North and the South. 167

Катрушиа З. И. Условия воспроизводства человеческого потенциала Сибири / *Z. I. Katrusiia*. Conditions of reproduction and capitalization of human potentials in Siberia. 172

Хлыновская Е. В. Остров внутри острова: жизнь без государства в Магаданской области / *E. Khlunovskaya*. An island within an island: living in the absence of the state in Magadan. 178

Рябенко С. В. Рекреационная миграция населения как фактор развития человеческого потенциала / *S. V. Ryabenko*. Recreational migration of population as a factor human potential development. 179

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ 185